

Т. И. Алексеева

ЭТНОГЕНЕЗ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

История антропологического изучения славян насчитывает сто лет. Ее начало ознаменовалось выходом в свет замечательного труда А. П. Богданова¹, и с этой поры она неразрывно связана с историей развития всей русской да и зарубежной антропологической науки. Нельзя заниматься историей изучения восточных славян, минуя исследования в области антропологии окружающего их иноязычного населения — западных и южных славян. Нельзя пройти мимо развития методики и методологии антропологических исследований и связанной с этим борьбы различных школ и течений. Эта работа, имеющая самостоятельное значение, под силу историку антропологии, а не исследователю конкретной проблемы. Поэтому отдавая себе отчет в необходимости оценки труда предшественников и в то же время понимая всю сложность этой задачи, я ограничиваю круг рассматриваемых работ по антропологии восточных славян разбором следующих вопросов: что дало изучение антропологического состава славян для суждения об их генезисе, т. е. каковы исторические корни славян в свете данных антропологии; каковы взаимоотношения восточных, западных и южных славян: каковы взаимоотношения славян с окружающим неславяноязычным населением. Эти вопросы, волновавшие исследователей XIX века, не потеряли актуальности и для исследователей XX века. Но последние имеют то преимущество, что в их распоряжении значительно больше материалов, более совершенная методика исследования, больше исторических и археологических данных для определения этнических границ и более определенные представления об антропологическом материале, как историческом источнике.

Все исследователи отмечают антропологическую неоднородность восточных славян. Эта неоднородность выявляется на краниологических материалах, изучение которых дает основание для установления северных, южных и восточных связей при формировании антропологического состава восточных славян. Подтверждается она и изучением современного населения, в котором обнаруживаются черты северных и южных европеоидов, а в некоторых контактных зонах — урало-лапоноидные особенности. На вопрос же о том, каковы причины этой неоднородности, однозначного ответа нет. Т. А. Трофимова² и Г. Ф. Дебеч³ видят ее в расовой неоднородности субстрата, на котором формировались как восточные славяне, так и угро-финны. Генетические истоки этих народов, таким образом, едины, проявление одних и тех же антропологических

¹ А. П. Богданов, *Материалы для антропологии курганного периода Московской губернии, «Известия Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии»* (далее «Изв. ОЛЕАЭ»), т. IV, вып. 1, М., 1867.

² Т. А. Трофимова, *Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 1; ее же, Краниологические данные к этногенезу западных славян. «Сов. этнография», 1948, № 2.*

³ Г. Ф. Дебеч, *Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948.*

типов в славянах и финнах не дает возможности связать с теми или другими определенный комплекс физических особенностей.

Большинство авторов видит причину неоднородности восточных славян в смешении пришлого славянского населения с местным, преимущественно финно-угорским, характеризовавшимся иным антропологическим составом⁴. Особо здесь следует обратить внимание на точку зрения Е. М. Чепурковского относительно «восточного великоруса». Этот комплекс признаков распространен преимущественно в бассейнах Цны и Хопра и является, по его мнению, реликтом древнего финно-угорского населения. В. В. Бунак⁵ связывает наиболее распространенный среди русских антропологический комплекс, так называемую восточно-европейскую расу, с неолитическим населением Восточно-Европейской равнины. Оба автора предполагают, таким образом, что в некоторых современных восточнославянских группах удельный вес древнего местного населения очень велик.

В отношении определения антропологического типа древних славян нет единого мнения.

Это либо светлопигментированный долихокефал⁶, либо светлопигментированный брахицефал⁷, либо темнопигментированный брахицефал⁸. Особое место занимает Л. Нидерле⁹, по мнению которого, «пра-славяне» не отличались чистотой антропологического типа, их прародина находилась на стыке североевропейской долихокефальной светлопигментированной и средневропейской брахицефальной темнопигментированной рас. В формировании антропологических особенностей древних славян большое значение имели процессы их смешения.

Коль скоро ряд авторов признает связь со славянами определенного антропологического типа, то естественно и признание исходной терри-

⁴ Д. Н. Анучин, О географическом распределении роста мужского населения России сравнительно с распределением роста в других странах, «Записки императорского географического общества по отделению статистики», т. VII, вып. 1, Спб., 1889; Н. Ю. Зюграф, Антропологические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний, «Изв. ОЛЕАЭ», т. XXVI, «Труды отдела антропологии», т. IV, М., 1892; В. В. Воробьев, Материалы к антропологии великорусского населения некоторых уездов Рязанской губернии, «Изв. ОЛЕАЭ», т. XCV, «Труды антропологического отдела», т. XIX, М., 1899; его же, Великорусы, «Русский антропологический журнал», 1900, № 1; А. Н. Краснов, Материалы для антропологии русского народа, «Русский антропологический журнал», 1902, № 3; Ф. К. Волков, Антропологические особенности украинского народа, «Украинский народ», т. II, Пг., 1916; Е. М. Чепурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения Великороссии, «Изв. ОЛЕАЭ», т. CXXIV, вып. 2, «Труды антропологического отдела», т. XXVII, вып. 2, 1913; V. Bunak, Neues Material zur Aussonderung Anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd. XXX, Hf. 3, 1932; Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры, ТИЭ, нов. серия, т. 1, М.—Л., 1947; В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. IV, М., 1952.

⁵ Происхождение и этническая история русского народа, ТИЭ, нов. серия, т. 88, М., 1965.

⁶ Н. Ю. Зюграф, Указ. раб.; А. Н. Краснов, Указ. раб.; I. Kopernicki, Czaszki ze Skaboszewo pod Mogilnickim, «Zbiór wiadomości do anthropologii krajowej», t. III, 1879; его же, Czaszki i kości z trzech cmentarzysk zdobione kółkami Kabłączkowemi; «Zbiór. wiadomości do anthropologii krajowej», t. VII, 1883; I. Czekałowski, Wstęp do historii Słowian, Lwowska Biblioteka Sławińska, t. II, Lwów, 1927; T. Lehr-Spławinski, O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, Poznań, 1946; I. Schwidetzky, Rassenkunde der Altslawen, Stuttgart, 1938.

⁷ Е. М. Чепурковский, Указ. раб.

⁸ В. В. Воробьев, Великорусы; Д. А. Золотарев, Антропологическое исследование великорусов Осташковского и Ржевского уездов Тверской губернии, «Ежегодник Русского антропологического общества», 1912, № 2; его же, Антропологические данные о великорусском населении побережья Белозера и реки Шексны в пределах Новгородской губернии, Ярославль, 1915; его же, Антропологические данные о великорусах побережья рек Сухоны и Северной Двины, «Ежегодник русского антропологического общества», 1916, № 6.

⁹ L. Niederle, O puvodu slovanu v Praze, Praha, 1896.

тории — «прародины» славян. Наиболее широко ее обрисовал Л. Нидерле. Это территория современной восточной Польши, южная часть Белоруссии, северная часть Украины — Подолия, Волинь и Киевщина с Десной. Остальные авторы (Я. Чекановский, Т. Лерсплавинский, И. Швидецкая) ограничивают зону прародины, но, однако же, вписывают ее так или иначе в круг, очерченный Л. Нидерле. В работах русских и особенно советских антропологов вопросам прародины по сути дела не отводилось места, так как работы последних вышли в период резкой реакции на индоевропейское языкознание со стороны «нового учения о языке», восставшего против проблемы прародины вообще.

Вопрос о том, каково взаимоотношение восточных и западных славян, по данным антропологии, решается опять-таки неоднозначно. Подробно он рассматривается лишь в двух работах — И. Швидецкой¹⁰ и Т. А. Трофимовой¹¹. И. Швидецкая на основании наличия одних и тех же антропологических черт у западных и восточных славян делает заключение о едином исходном типе для всех славян, о последующем их расселении и контактах с неславяноязычным населением. Т. А. Трофимова считает, что исходного типа славян не было, что западные и восточные славяне формировались в тех зонах, где их застают письменные источники. Однако проявление одних и тех же черт в славянских группах различных территорий у нее самой вызывает недоумение.

Наконец последний вопрос — взаимоотношение славян с окружающим неславяноязычным населением. Частично на него уже дан ответ. Связь с иноязычным населением обнаруживается в антропологическом типе славян. У западных славян прослеживается отмеченное Л. Нидерле и И. Швидецкой влияние черт германоязычного населения, у восточных — как показывают данные большинства русских и советских авторов — влияние финно-угров. Очень мало затронуты контакты южных славян с населением Балканского полуострова, а также славянского и балтийского населения. На связь некоторых групп восточных славян с балтами указал В. В. Седов¹². В последнее время появилась работа Н. М. Постниковой¹³ относительно связи болгарского населения с древним фракийским населением Балкан.

Мне кажется, что расхождения между авторами относительно антропологического состава и генезиса славян в значительной мере связаны с недостатком антропологических материалов и обусловленной этим невозможностью объективно оценить степень сходства и различия отдельных групп. Поэтому, одним из условий успешного анализа физического облика восточных славян я считала привлечение всех в настоящее время известных краниологических и соматических данных, относящихся к различным этническим группам Восточной Европы и к различным историческим периодам, а также антропологических материалов по западным и южным славянам и соседящим с ними иноязычным группам.

В основу антропологического анализа было положено изучение географической изменчивости признаков и их трансформации во времени. В качестве «ведущих» признаков рассматривались те, которые имели наибольшую изменчивость и закономерную географическую локализацию. Взгляд на расу, как на динамическую категорию¹⁴ в приложении

¹⁰ I. Schwidetzky, Указ. раб.

¹¹ Т. А. Трофимова, Краниологические данные к этногенезу западных славян.

¹² В. В. Седов, Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, «Сов. этнография», 1954, № 3.

¹³ Н. М. Постникова, Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья (К вопросу об этногенезе болгарского народа), Автореферат канд. дисс., М., 1967.

¹⁴ А. И. Ярхо, О некоторых вопросах расового анализа, «Антропологический журнал», 1934, № 3; Г. Ф. Дебец, Расы, языки, культуры, «Наука о расах и расизм», М.—Л., 1938; В. В. Буняк, Раса как историческое понятие, там же; S. Gagn (ed.),

к конкретной этногенетической проблеме диктует необходимость последовательного рассмотрения процесса сложения антропологического состава населения на протяжении ряда эпох и в связи с этим учета возможности эпохальных изменений признаков наряду с историческими этапами формирования народа. В связи с этим рассматривались различные этапы в процессе сложения восточнославянских народностей — время появления их на исторической арене, период консолидации племен в народности и эпоха, когда произошла полная консолидация современных восточнославянских народов¹⁵.

Рассмотрение соотношения максимальных и минимальных групповых средних, а также размаха изменчивости признаков свидетельствует о том, что в эпоху средневековья территория Восточной Европы и Кавказа была ареной взаимодействия этнических групп, характеризующихся различными расовыми чертами.

Изучение географической изменчивости расово-диагностических признаков на этой территории в эпоху средневековья выявило значительно большую их связь с этносом, нежели с территорией. Территориальная вариабильность признаков, как правило, проявляется в пределах одного этноса или близких этнических групп. Подобное явление было отмечено А. И. Ярхо в Узбекистане¹⁶, где географическая локализация, по его мнению, явление вторичное, тогда как этническая — первичное. В Восточной Европе проявляется географическая локализация показателей уплощенности лица и носовой области, но в сочетании с крупными размерами черепа эта особенность обнаруживается лишь у кочевников, а в сочетании с грацильными размерами — у финно-угорских групп северо-запада. Число таких примеров можно увеличить. В нашем случае факт значительной этнической обусловленности признаков в Восточной Европе и на Кавказе в эпоху средневековья свидетельствует об исторической обособленности отдельных этнических группировок. В тех же случаях, когда на территории распространения нескольких этнических групп, как это имеет место в Поднестровье и Волго-Окском бассейне, проявляется географическая, а не этническая локализация признаков, есть основание ожидать общности происхождения.

Оценивая величину изменчивости краниологических признаков на территории Восточной Европы и Кавказа в целом, приходим к выводу, что расообразовательные процессы здесь проявляются в признаках, позволяющих дифференцировать расы первого порядка. Это симитический и дакриальный указатели и угол выступления носа. Изменчивость других признаков значительно меньше и может быть использована для дифференциации более мелких антропологических категорий. Исключение составляют углы горизонтальной профилировки лица, которые несмотря на сравнительно слабую вариабильность имеют строгую этническую и территориальную приуроченность и поэтому позволяют оценивать группы с точки зрения их принадлежности к расовым категориям первого порядка. Следует отметить, что в целом межгрупповая изменчивость признаков на территории Европы и Кавказа определяется степенью внутригрупповой изменчивости этих признаков и более или менее согласуется с ней. Что же касается межгрупповой вариабильности в

Readings on race. Illinois, 1960; F. Hulse, Race as an evolutionary episode, «American Anthropologist», vol. 64, 1962, № 5; В. П. Алексеев, К обоснованию популяционной концепции расы, Сб. «Проблемы эволюции человека и его рас», М., 1968.

¹⁵ Подробные сведения о материалах и цифровые данные см.: «Происхождение и этническая история русского народа», М., 1965, гл. XIII; Т. И. Алексеева, Славяне и их соседи по антропологическим данным, «Anthropologie», В. IV, № 2, Врно, 1966; ее же, Антропологический состав восточнославянских народов и проблема их происхождения, Автореферат докт. дис., М., 1969.

¹⁶ А. И. Ярхо, Указ работы.

пределах отдельных языковых или этнических групп, то здесь не наблюдается согласованной изменчивости, а процессы дифференциации идут по различным признакам. Таким образом, в каждом отдельном случае вопросы сложения группы должны решаться с привлечением для анализа различных антропологических комплексов.

Если отрешиться от таксономической ценности признаков, что можно сделать лишь условно, и попытаться сопоставить суммарно изменчивость в группах по всем признакам, то группы по степени изменчивости располагаются в следующем порядке: финно-угры, этнические группы Кавказа, кочевники, балты, славяне, болгары. Судя по показателям изменчивости, восточные славяне более однородны, нежели все этнические и языковые группы Восточной Европы, за исключением болгар. Это тем более важно, что территория, занимаемая восточнославянскими племенами в эпоху средневековья, широка, и возможности контактов с балтийскими, финно-угорскими и кочевническими преимущественно тюркоязычными племенами были огромны.

Анализ межгрупповой и географической изменчивости признаков в пределах восточнославянских групп позволяет выделить в качестве основных расово-диагностических следующие: угол выступания носа, носовой указатель, скуловая ширина, верхняя высота лица, продольный и поперечный диаметры черепа.

Анализ вариационных рядов перечисленных признаков по всем восточнославянским группам не дал сколько-нибудь заметного отклонения от нормального распределения и не подтвердил смешанности антропологического состава этого населения. Однако попытка

оценить связь между признаками, характеризующими величину черепа, и угол выступания носа у восточнославянских племен, дала интересные результаты. В зоне распространения вятичей, кривичей, дреговичей, радимичей, северян, с ослабленным углом выступания носа связывается тенденция к мезокефалии, меньшие размеры продольного и поперечного диаметра черепа, более узкое лицо, больший зигомаксиллярный угол горизонтальной профилировки, более широкий нос с менее выступающим переносьем. С сильным выступанием носа связан меньший черепной указатель, более крупные размеры мозгового отдела черепа, более широкое лицо, меньший зигомаксиллярный угол горизонтальной профилировки, более узкий нос с высоким переносьем. Процентное соотношение этих комбинаций меняется в зависимости от географической локализации славянских племен на территории Восточной Европы (рис. 1). Так, по направлению к востоку увеличивается процент первой комбинации, по направлению к западу — второй.

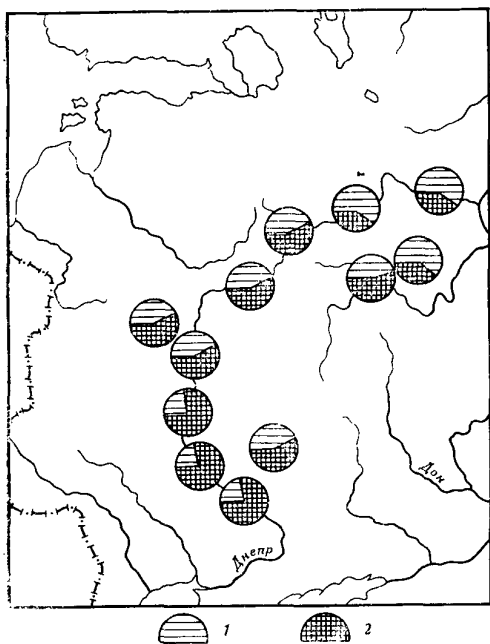

Рис. 1. Соотношение морфологических компонентов в восточнославянском населении эпохи средневековья: 1 — узколикий компонент с ослабленным выступанием носа; 2 — широколикий компонент с сильно выступающим носом

Первый комплекс преобладает в крайних восточных группах славян (вятичи, ярославские, костромские, владимирские кривичи) и оказывается характерным для населения Волго-Окского бассейна (Цнинские могильники¹⁷; могильники Сють-Сирми¹⁸, Муранский¹⁹). Длинноголовый, сравнительно широколицый, с сильно выступающим носом комплекс в наиболее чистом виде обнаруживается среди волянян и древлян (наши данные), полоцких кривичей²⁰, в мезокефальном варианте — среди славян Поднестровья²¹. Сходная комбинация антропологических признаков характеризует некоторые балтийские группы — латгалов²², земгалов²³, жемайтов²⁴. Этот комплекс широко распространен среди западных славян²⁵.

Рассмотрение географической изменчивости антропологических признаков в славянских племенах эпохи средневековья позволило очертить в ареале распространения славян зону относительной широколицести, ограниченную с севера Западной Двиной, с запада Вислой, с востока Днепром и с юга Дунаем²⁶. К востоку, западу и югу величина скулового диаметра уменьшается, что связано с влиянием неславяноязычного населения, с которым славяне соприкасаются в контактных зонах. На востоке это узколикие финно-угорские племена Восточно-Европейской равнины, на западе — германские племена, на юге — население Балканского полуострова. Относительная широколицесть, локализуемая в центре Европы, проявляется в комбинации с длинноголовостью в северной части этого ареала, в комбинации с более высоким черепным указателем — в южной части. Первый вариант обнаруживается как в славянском, так и в балтийском населении, второй — только у славян. Для выяснения генетических истоков этих вариантов необходимо обратиться к периодам, предшествовавшим появлению славян в письменных источниках. Наиболее полно в антропологическом отношении представлены эпохи неолита и бронзы²⁷.

Примечательно, что и для этого времени антропологическая дифференциация на территории Европы происходит по скуловому диаметру и, в некоторых случаях, по черепному указателю. Большинство западноевропейских групп относится к узколиким формам, особенно это характерно для неолитических племен ленточной керамики²⁸. Из всех восточ-

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР.

¹⁸ М. С. Акимов, Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР, КСИЭ, 1955, вып. XXIII.

¹⁹ Т. И. Алексеева, Череп из Муранского могильника, «Сов. антропология», 1959, № 1.

²⁰ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР.

²¹ М. В. Великанова, К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья, «Сов. этнография», 1964, № 6.

²² G. Knorre, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Lettgallens*, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd. 28, 1930; I. Līcis, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme*, Riga, 1939; И. Дайга, Нукшинский могильник, «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. 1, Рига, 1957; В. П. Алексеев, Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР, «Изв. АН Латвийской ССР», 1963, № 10 (195).

²³ I. Līcis, Указ. работы.

²⁴ I. Zilinskas, K. Masalskis, *Senojo geležies periodo Lietuvas gyventojų kaukolių studija*, «Acta Medicinæ Facultatis Vylkati Magni Universitatis», vol. IV, fasc. 1—3, Kaunas, 1937; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2, М., 1959.

²⁵ Т. И. Алексеева, Славяне и их соседи по антропологическим данным.

²⁶ Т. И. Алексеева, Славяне и их соседи по антропологическим данным.

²⁷ Сводку краниологических материалов по эпохе неолита и бронзы Европы см.: Т. И. Алексеева, Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения, Докт. дисс., 1969.

²⁸ O. Reche, *Zur Anthropologie der jüngeren Steinzeit in Schlesien und Böhmen*, «Archiv für Anthropologie», N. F., Bd. VII, 1908; A. Schlitz, *Die Vorstufen der nordisch-europäischen Schädelbildung*, «Archiv für Anthropologie», N. F., № 13, 1914; V. Le b-

ноевропейских групп только население трипольской культуры характеризуется узколицем и в своем генезисе тяготеет, по-видимому, к племенам культуры ленточной керамики²⁹. Хотя возможно, что какой-то этнический компонент, отличавшийся узким лицом, вошел в состав южных славян, в частности болгар. Отмеченный антропологический тип характерен для поздненеолитического населения культуры Боян, оказавшей влияние на развитие трипольской культуры³⁰.

После исключения узколицых форм из предков славян, остается немного серий, которые антропологически и территориально могут быть рассмотрены в связи с ними. Это, во-первых, относительно широколицы долихокраны из прибалтийских районов Германии³¹ и с территории Польши³², примыкающие по своему облику к кругу прибалтийских форм, носителей культуры боевых топоров и фатьяновской. Во-вторых, относительно широколицые мезо-брахикраны, известные по немногочисленным материалам II тыс. до н. э. из Венгрии³³ и культуры колоколовидных кубков из Чехословакии³⁴. Бытование близких в антропологическом отношении форм обнаруживается на этой территории и в более позднее время (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.)³⁵.

Очерченная выше зона относительной широколицести у славян средневековая лежит на стыке мезокранных и долихокранных широколицых форм предшествующих эпох. Территориальная дифференциация этих форм делает возможным предположение о формировании древних славян на базе северных и южных европеоидов. Существование антропологической общности славян в эпоху средневековья свидетельствует о длительном контакте представителей северной и южной ветви европеоидов, предшествовавшем образованию этой общности.

Судя по увеличению к западу удельного веса долихокранного широколицего компонента в таких восточнославянских племенах, как радимичи, дреговичи, западные кривичи, вятичи, заселение Верхнего Поднепровья, Поволжья и Волго-Окского междуречья происходило в значительной мере с участием северных элементов.

Общность физического облика западных кривичей, радимичей и дреговичей, сходство их со средневековым летто-литовским населением, можно объяснить проявлением черт единого для них субстрата, имея в виду данные об участии племен культуры шнуровой керамики и боевых топоров в генезисе как славян, так и балтов.

В тиверцах, уличах и древлянах средневековья отражаются, по-видимому, черты средневропейского субстрата — относительно широколицего, мезокранного. Что касается полян, то некоторые их черты, напри-

zelter, G. Zimmerman, Neolitische Gräber aus Kleinhabsdorf, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. LXVI, 1936; C. S. Coon, The races of Europa, New York, 1939.

²⁹ Т. С. Кондукторова, Изменение физического типа населения Украины от мезолита до средних веков, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964.

³⁰ Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы поздненеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. «Сов. археология», 1958, № 1.

³¹ A. Schlitz, Die vorgeschichtlichen Schädeltypen der deutschen Länder in ihrer Beziehung zu den einzelnen Kulturkreisen der Urgeschichte, «Archiv für Anthropologie», № 7, Bd. VII, 1908.

³² S. Czortkower, Lebky z Ulwowa, «Anthropologie», t. X, Prague, 1932.

³³ I. Nemeskeri, Anthropologische Untersuchung der Skelettfunde von Alsone-medi, «Acta archaeologica Akad. Scient. Hung», 1, 1952, № 1—2.

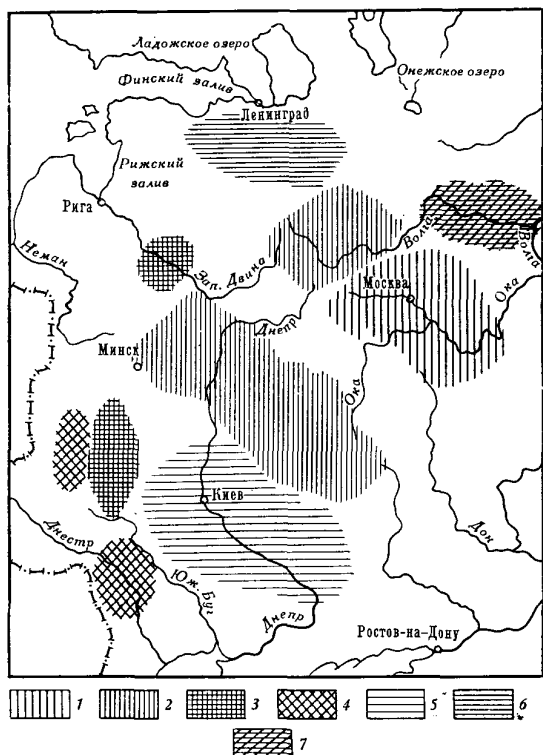
³⁴ I. Chochol, M. Blajerova, Lid s kulturou zvoncovitých poharu. Antropologické poznatky o populaci v Čechách, «Památky archeologické», LV, 1964.

³⁵ V. Lebzelter, G. Thulmann, Römerzeitliche Schädel aus Tulln, «Zeitschrift für Rassenkunde», Bd. I, Hf. 3, 1935; I. Nemeskeri, Anthropologische Skizze der Bevölkerung von Intercisa im Spätromischen Zeitalter, «Archaeologia Hungarica», t. XXXIII, 1954; его же, La population de Brigetio (II—IV-e siècles), «Crania Hungarica», t. I, 1956, № 2; его же, La population de Csakvar dans l'époque romaine tardive, «Crania Hungarica», t. I, 1956, № 1; M. Stloukal, Moravsky příspěvek u antropologii keltu, «Památky archeologické», t. LIII, 1962.

мер, незначительная уплощенность лицевого скелета и грацильность свидетельствуют скорее против связи с западными группами славян, в то же время антропологически они весьма близки к населению черняховской культуры³⁶.

Определенная неоднородность антропологического состава славян, пришедших на территорию Восточной Европы, контакты с различными по физическому облику местными группами, географическая и историческая изолированность отдельных славянских племен не могли не привести к их антропологической дифференциации (рис. 2).

Рис. 2. Локальные антропологические варианты в составе восточных славян в эпоху средневековья. Карта составлена на основании комбинации признаков, между крайними значениями которых обнаружены статистически достоверные различия: 1 — долихокефальный узколицый; 2 — долихокефальный среднеликий; 3 — долихокефальный широколицый; 4 — мезокефальный широколицый; 5 — мезокефальный среднеликий; 6 — суббрахицефальный среднеликий; 7 — суббрахицефальный среднеликий с ослабленным выступлением носа

С течением времени антропологический состав восточных славян претерпел трансформацию и далеко не все черты, присущие им в эпоху средневековья, проявляются в современном населении. Своеобразным мостом, позволяющим оценить степень преемственности физического типа древнего и современного населения является анализ краниологического материала по современным группам в сопоставлении с палеоантропологическими данными³⁷.

При сравнении степени межгрупповой дисперсности различных языковых и этнических групп Восточной Европы, оказывается, что все группы средневековья более дисперсны, нежели близкие к современным по средней величине изменчивости. Порядок же расположения групп по степени убывания изменчивости сохраняется. Понижение межгрупповой вариативности в XVII—XIX вв. по сравнению со средневековьем может

³⁶ М. С. Великанова, Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии, ТИЭ, т. 71, «Антропологический сборник», т. III, М., 1961; Т. С. Кондукторова, Указ. раб.

³⁷ Сведения о краниологических сериях XVII—XIX вв. Восточной Европы см.: В. П. Алексеев, Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование), М., 1969.

рассматриваться как результат меньшей изолированности этнических групп современности. Это подтверждается не только сужением диапазона изменчивости краниологических признаков, но и тем, что этот процесс происходит за счет исчезновения крайних величин признаков.

Происходит изменение и в самом направлении процесса изменчивости. Если по-прежнему наиболее вариабильными остаются такие признаки, как симотиический и дакриальный указатели, угол выступления носа, чрепной указатель, а наименее вариабильными — назомаллярный угол, то такие признаки, как лицевой указатель, зигомаксиллярный угол, высота орбит, орбитный указатель, высота черепа обнаруживают относительно бóльшую вариабильность. Таким образом, в Восточной Европе в XVII—XIX вв. процессы формообразования имеют иную направленность, нежели в средневековье; однако, антропологическая дифференциация все же происходит, хотя и в более узких пределах, и так же, как в средневековье она значительно больше связана с этносом, чем с территорией.

В картине географической локализации признаков в XVII—XIX вв. обращает на себя внимание значительная однотипность восточных славян независимо от территории их обитания по таким важным расово-диагностическим признакам, как угол выступления носа, высота переносья, углы горизонтальной профилировки лица. В отношении этих признаков восточные славяне обнаруживают гораздо больше сходства с балтами, нежели с финно-угорским населением (сходство с последним проявляется лишь в некоторых северных группах славянского населения, которые связаны с поздней государственной колонизацией Русского Севера).

Характер изменения признаков во времени у восточных славян очень сложен. Процесс брахикефализации и понижение высоты черепа охватывает все без исключения группы. Такие признаки, как длина основания черепа, наименьшая ширина лба, угол лба, длина основания лица, размеры лица, орбит, носа меняются сравнительно мало. Что касается признаков, определяющих выраженность переносья и выступание угла носовых костей, то по их изменению можно наметить два типа эпохальных сдвигов. Первый характеризуется увеличением переносья и угла выступления носа и сопровождается уменьшением зигомаксиллярного угла горизонтальной профилировки. Он проявляется в половине территориальных групп, главным образом среди русских центральных областей. Наблюдается явная европеизация этого населения в XVII—XIX вв. по сравнению со средневековьем.

Нет основания снять полностью явление эпохальной европеизации биологического характера, отмечаемой В. В. Бунаком³⁸, поскольку большинство современных групп более европеоидно, и в то же время разные степень и характер европеоидности заставляют предполагать и возможную смену населения.

Второй тип изменений физического облика по времени в восточнославянских группах характеризуется уменьшением угла выступления носовых костей. Нередко это связывается с уменьшением выраженности переносья. Так как это явление идет вразрез с ходом эпохальных изменений в европеоидных группах, а обратное их направление в данном случае ничем не доказывается, есть все основания предполагать отсутствие преемственности между современным и средневековым населением там, где проявляется подобный тип эпохальных изменений (например, в населении Русского Севера).

Анализ краниологических данных по современному населению позволяет сделать заключение о чрезвычайной гомогенности русского населения на огромном пространстве, охватывающем верховья Днепра, Волги,

³⁸ В. В. Бунак, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, ТИЭ, нов. серия, т. XIX, М., 1959.

бассейн Оки и районы озер Псковского и Ильменя. Антропологические данные свидетельствуют о значительных контактах населения центральных областей России с западными и северо-западными областями, несмотря на географическую, а в какой-то мере и социальную обособленность последних, существовавшую еще в XVI веке³⁹. Между тем, в средневековье эта территория была занята различными по типу восточнославянскими племенами. В отношении Волго-Окского бассейна дело решается сравнительно просто. Основу вятичей и поволжских кривичей составляли финно-угорские племена. Славянский элемент в эпоху средневековья в физическом облике населения очень невелик. В современную эпоху соотношение финно-угорского и славянского населения меняется в пользу славянского. Однако резкой смены населения здесь не было. Увеличение угла выступления носа и выраженности переноса у современного населения Волго-Окской территории свидетельствует лишь о приливе населения из более западных и северо-западных областей распространения русских. По-видимому, современное русское население Волго-Окского бассейна в значительной степени восходит к западным кривичам и словенам новгородским (рис. 3). Любое из этих племен, а вероятнее всего оба, учитывая эпохальные сдвиги в черепном указателе, в изменении высоты лица в сторону повышения, в общей европеизации облика, могли служить основой для современного населения районов озер Псковского и Ильменя, верховьев Днепра, Волги и бассейна Оки.

Территориально и исторически связано с верхне-волжским русское население Среднего Поволжья.

Однако оно отличается более широким и относительно более низким лицом, меньшим выступанием носовых костей, ослаблением горизонтальной профилировки лицевого отдела. Нетрудно за этими чертами увидеть влияние финно-угорского и тюркского населения Поволжья.

Об определенной преемственности населения на протяжении ряда веков могут, по-видимому, свидетельствовать результаты сопоставления русских бывших Орловской и Курской губерний и северян. Современное население этого края обнаруживает то же направление временных сдвигов, какое характерно для большинства восточнославянских групп. Но здесь более, чем в каком-либо ином случае, можно говорить о про-

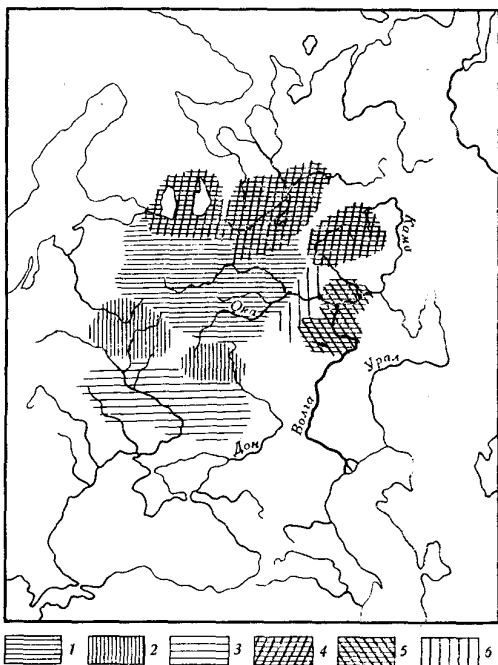

Рис. 3. Антропологический состав восточнославянского населения XVII — XIX вв. по данным краииологии: 1 — население, генетически связанное со словенами новгородскими; 2 — с радимичами, западными кривичами, дреговичами, северянами; 3 — с древлянами, вслынянами, тиверцами, уличами, полянами; 4 — с финно-угорским населением северо-запада; 5 — с населением Поволжья; 6 — с финно-угорским населением Восточно-Европейской равнины

³⁹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962.

цессе эпохальных изменений признаков. У северян в эпоху средневековья отмечается наибольшая величина продольного диаметра черепа в сочетании с резкой долихокранностью. Этой же особенностью характеризуется современное население. Пограничное положение Северской земли, сравнительно позднее подчинение Москве, сыграли свою роль в формировании физического облика ее населения.

Влияние инородных черт прослеживается в населении Русского Севера, а частично и северо-запада. Русские бывших Архангельской, Олонецкой, Петербургской губерний, население Старой Ладogi, бывших Вологодской и Вятской губерний в отличие от всех современных русских групп обнаруживают ослабление европеоидных черт по сравнению с теми средневековыми группами, которые могли бы рассматриваться в качестве исходных, например, словенами новгородскими. Здесь наиболее заметно финно-угорское влияние. Не будет преувеличением наметить связи между русским населением бывшей Петербургской губернии и широколицыми финно-угорскими группами; между русскими бывших Архангельской и Олонецкой губерний и узколицыми группами местного населения. Может быть отмечена известная преемственность русского населения бывших Вологодской и Вятской губерний и кривичей ярославской и костромской групп. Различия между ними легко объясняются характером эпохальных изменений.

При сопоставлении современных белорусов с группой радимичей и дреговичей, с одной стороны, и кривичей полоцких, смоленских и тверских — с другой, обнаруживается большая связь с радимичами и дреговичами. Имеющиеся различия легко объясняются эпохальными сдвигами (большая брахикранность и большой угол носа у современного населения), однако исключить влияние кривичей нет никакого основания.

Сложнее обстоит дело с установлением преемственности населения на территории Украины. В моем распоряжении находилась сборная современная краниологическая серия Украины, и четыре серии, характеризующие различные группы средневекового населения. В эпоху средневековья здесь выделяются два типа лицевого отдела: массивный — у тиверцев, уличей, древлян, волянян и грацильный — у полян. Оба эти типа сочетаются как с долихокраным, так и с мезокраным черепом. При сопоставлении современных украинцев с каждым из этих вариантов оказывается, что они характеризуются меньшей выраженностью европеоидных черт и большей грацильностью по сравнению с тиверцами, уличами, древлянами и волянянами, т. е. наиболее западными племенами средневековых славян Украины и большей европеоидностью и меньшей грацильностью лица по сравнению со всеми полянскими группами. Ослабление европеоидных черт отмечается у некоторых славянских групп Украины уже в средневековье. Привнесение монголоидных черт в славянское население Поднепровья шло со стороны кочевников. Факт большей европеоидности таких племен как тиверцы, уличи, древляне и воляняне свидетельствуют в пользу более поздних связей этих групп с территорией Украины, нежели полян. Что касается современных украинцев, то они в антропологическом отношении увязываются как с полянами, так и с более западными группами. С последними их роднят размеры лица, с первыми — конфигурация носовой области. Здесь можно предполагать более или менее равную долю участия средневековых племен Украины в сложении современного украинского населения.

Основываясь на антропологическом сходстве украинцев со славянскими племенами Днепро-Днестровского междуречья, с одной стороны, и с полянами — с другой, можно более или менее определенно утверждать, что в сложении физического облика украинского народа принимали участие, наряду со славянскими элементами, элементы дославянского субстрата, восходящего через черняховец к скифскому населению лесной полосы.

Рассмотрение территориальных вариантов в антропологическом составе современного восточнославянского населения показало, что по всему комплексу расово-диагностических признаков русские и белорусы тяготеют к североевропейским группам, украинцы — к южным⁴⁰. По соматологическим данным, так же как и по краниологическим, отмечается продвижение населения с северо-запада на Восточно-Европейскую равнину и в связи с этим изменение антропологического состава этой зоны по сравнению со средневековьем. Однако некоторые признаки (уменьшение роста третичного волосяного покрова) свидетельствуют о сохранении следов влияния финно-угорского населения на антропологический облик русских. В настоящее время в целом русские оказываются более или менее гомогенным в антропологическом отношении народом, генетически связанным с северо-западным и западным населением, и впитавшим в себя черты местного финно-угорского субстрата.

Территориальная дифференциация антропологического состава белорусов допускает предположение об участии в их генезисе балтийского населения, с одной стороны, и восточнославянских племен более южных областей, в частности, Волыни, с другой.

Анализ материалов по современному населению позволяет дополнить антропологическую характеристику восточнославянских племен средневековья. Переноса данные, полученные для современного населения тех областей, где намечается преемственность, в глубь веков, можно более или менее определенно утверждать, что восточные славяне эпохи средневековья относятся к разным ветвям европейской расы. Словене новгородские, западные кривичи, радимичи, дреговичи и, возможно, волыняне тяготеют к кругу северных европеоидов, древляне, тиверцы, уличи и поляне — к южной ветви.

THE ETHNOGENESIS OF THE EASTERN SLAVS ACCORDING TO ANTHROPOLOGICAL DATA

Analysis of European anthropological materials dating from Neolithic times up to the present permits certain suggestions as to the formation of traits characterizing the Slav inhabitants of an area bounded by the Vistula on the west, by the West Dvina on the north, by the left tributaries of the Danube on the south, by the Dnieper on the east. This was the region of contacts between dolichocephalic broad-faced forms and brachycephalic broad-faced forms; judging by the features of the modern population of this territory the former belong to northern Caucasoids and the latter — to southern Caucasoids. The eastward movement of the Slavs was to a great extent a movement of the broad-faced dolichocephalous population. The second type is pronounced only among the population of the middle reaches of the Dnieper and its right tributaries. The aboriginal East European population can be traced as an underlying layer in all east Slav groups. Thus among the Bielorrussians and Russians of the upper reaches of the Dnieper traits of broad-faced dolichocephalous forms are manifested to the greatest extent; these seem to be the initial forms for the Baltic population also. Anthropological features characterizing local population rooted in the Neolithic period may be traced among the Russians of the East European plain. The anthropological type of Ukrainians reflects traits of the pre-Slav population linked through the people of the Tcherniakhov culture and the Scythians of the forest belt with the Dnieper region population of the Bronze age.

⁴⁰ «Происхождение и этническая история русского народа», гл. XIII.